

Срединный хребет

Высокая гора

Вальфреда

Ветшны Сан-Никола

Крестовое плато

Хребет Марденорь

Воронца

Башня Бертона

Пороховый пик

Порохичо

Королевский проход

Порох

Дом Марденора

Пороховый склад

Пресса

Голая вершина

Новый дом

Дом Марденора

Порохоройск

Зеленый хребет

Делле Граре

Долина Сан-Никола

Карта гор Сан-Никола

Дорога к Сан-Никола

1

Никто уже не помнит, когда был построен дом лесничих возле Сан-Никола в долине Делле Граве, прозванный Домом Марденов. Отсюда расходились пять троп, и каждая из них вела в глубь леса. Первая тропа спускалась через долину в сторону Сан-Никола и, приближаясь к поселку, превращалась в настоящую дорогу. Остальные четыре шли вверх, петляя среди деревьев и становясь все тоньше и неприметнее, пока в конце концов не оставался один только лес — с иссохшим сухостоем и всем тем, что старше самой старины. Еще выше, к северу, белели ярусы ледников.

Солнце восходит над горными вершинами, прокатывается над Домом Марденов и садится за Зеленый хребет. Дует вечерний ветер, смахивая с земли еще один день. Дель Колле, главный лесничий, сегодня в славном расположении духа и охотно рассказывает длинные истории, какие

помнит лишь он один. Но понадобится целая ночь, чтобы поведать их все, а потом еще утро, и все равно сказаниям не будет конца.

Вот рассказ об Эрмеде, богаче из Сан-Никола: «Шел он как-то раз из Валлонги вместе с тремя спутниками. И возле Голой вершины их накрыл туман. Эрмеда заплутал, подался вверх через расщелину и оказался у большой скалы чуть пониже Пагоссы. Сейчас, ночью, ту скалу не разглядеть, но я покажу вам ее завтра при свете дня. Как раз там Эрмеда и пропал, и никто уже не обнаружил его, хотя искали под скалами не один месяц. Давно это было».

Потом Дель Колле рассказывал о пороховом складе: однажды замыслили проложить дорогу, которая соединила бы Сан-Никола с Валлонгой. Власти возражать не стали. Руководить делом взялся старый Беттони. Дорога должна была подниматься через долину Делле Граве, затем сворачивать влево и идти вдоль скал Палаццо до горной цепи Пагоссы, а оттуда — напрямик до Голой вершины. Прокладывать путь начали из Сан-Никола. Делали все с размахом. Из Бассы приехали рабочие. Им предстояло взорвать часть горного массива. Они закупили вдоволь пороха и устроили склад под одной из скал Палаццо.

Но, когда они преодолели первое ущелье и собрались было взрывать породу, работа сорвалась. Ночью кто-то украл взрывное устройство. Внизу, в долине, поговаривали, что строительство дороги — затея безумная, лишь деньги на ветер. Нельзя нарушать покой гор. В Сан-Никола стали бить в колокола, чтобы прогнать злых духов.

Как-то ночью один из приезжих рабочих обворовал дом. Местные сложили вину на Беттони: он не следит за вверенными ему строителями. А между тем его соперник, который хотел возглавлять дорожные работы, но не получил этого назначения, решил подлить масла в огонь и пустил слух, что пороховой склад сговорились взорвать.

И вот тогда возле хребта, чуть ниже намеченной траектории дороги, местные находят грот и переносят туда запасы пороха, заваливают вход камнями и поручают лесничим охранять этот новый склад. Строительство дороги на зиму прекращается, ну а потом, когда решают возобновить работы, выясняется, что недостает денег. Успели проложить лишь небольшую часть дороги — она сохранилась по сей день и доходит до Палаццо, а дальше вьется тропинка, которая ведет к пороховому складу.

Позже в эти края явились чиновники с ревизией и увидели склад: надежное место, скрытое от посторонних глаз, и вдобавок неподалеку от границы. И смекнули, что нужно бы использовать его по назначению. И так, они прячут в гроте еще взрывчатку и оружие. Лесничим по-прежнему велено охранять все это. Вот уже много лет они несут стражу. И сегодня тоже можно увидеть караульного с ружьем, который следит за входом в каменный грот. Каждый вечер дежурный отряд идет из Дома Марденов через лес — а это два часа пути, — и поднимается к гроту, рядом с которым ютится маленькая хижина. Пороховой склад лесничие охраняют по трое.

Дель Колле также рассказывал историю про Даррио, лесничего. «Где-то в горах скрываются воры, — все твердил Даррио. — Эти негодяи сбегают из тюрем и находят убежище среди скал. А потом настает день, и они спускаются в долину на промысел. Нужно бы разведать, где они рыщут». Утром Даррио отправлялся через лес к могучим ледникам, и одному только Богу известно, как он умудрялся карабкаться по отвесным ледяным склонам. «Там воры», — говорил он, но, может статься, сам не верил в свои слова. Он пропадал на целый день, все бродил над

обрываами. И однажды этот отчаянный смельчак не вернулся. Его ждали, прочесывали лес, искали возле скал, трубили в рог, всполошив горы. Кажется, это Бертон, спускаясь от порохового склада уже через неделю, заметил дюжину воронов, которые кружили над высоким пиком? Как раз под Королевским Посохом. Кости Даррио и сейчас еще там, под узким выступом. Но ведь он сам шел навстречу смерти.

Двенадцать лесничих в зеленых шляпах, в которые кто-то воткнул по тонкому белому перу. На куртках вышит местный герб. Отрядом командует седоусый Антонио Дель Колле, преклонных лет, но по-прежнему ловко взбирающийся в гору, носит на спине тяжелый рюкзак, и никто вовек не видел, чтобы он промахнулся из ружья. Свое английское охотничье ружье Дель Колле хранит в кожаном футляре. На рукояти вырезана змея, свернувшаяся кольцами. Впрочем, он чаще носит с собой другое ружье, попроще и не такое увесистое, которое когда-то взял из родного дома. Ростом Дель Колле невысок; еще издалека его можно узнать по походке вразвалку; он то и дело останавливается, чтобы осмотреться вокруг. В горах он старожил.

Умеет распознавать больные ели, знает голоса всех птиц, помнит все тропы, даже самые не-приметные, как ниточки. Чует заранее, когда надвигается непогода. И видит насквозь своих товарищей: Джованни Мардена — верного помощника, а также его брата Паоло, и Джованни Бертона, и Пьетро Моло, и Франческо Франце, а еще Берто Дуранте, Анджело Монтани, Примо и Баттисту Форниои, Джузеппе Коллинета, Эн-рико Пьери и Барнабо, которого все зовут только по имени, однако потом он станет Барнабо с Гор.

Трудно сказать наверняка, откуда пришли все эти люди. Некоторые из них были сыновьями лесничих. Другие родились среди горцев, в патриархальных семьях. А иных принесло сюда издалека, из долины. Правда, потом они позабыли ее пыльные, бесконечные дороги, выбеленные солнцем. Там, внизу, не укрыться в тени, не почувствовать ветра, да и родников совсем мало. Все время бредешь вперед по прямой, и где-то далеко — тенистая крона дерева, сделай-ка еще последний рывок. Ноги налились свинцом, соберись с силами, ведь мы уже почти на месте.

2

Раньше этот дом принадлежал семье Марден, а потом в нем стали жить лесничие. Теперь он обветшал. Балки прогнили, ставни толком не закрываются. Как-то ночью Дуранте проснулся от холода. Встал и зажег свечу. Часть крыши сдуло ветром — вот так, беззвучно.

А в прежние времена этот дом был опрятным и ладным, под стать покоям новобрачных: на подоконниках горшки с цветами, все выкрашено яркими, сочными красками.

Беленые стены первого этажа облупились, почернели доски, которыми обит второй этаж. Год за годом крыша вела счет дождям, пререкалась с ветром и в конце концов устала, изнасилась, покрылась заусенцами, тес поредел, но никто не придавал этому значения. Со дня на день крыша могла обвалиться — достаточно было пустака.

— Форниои, ты ведь плотник, взял бы да укрепил потолочную балку, — говорил Дель

Колле. — Она скрипит по ночам, и не ровен час переломится.

«Начнем латать дыры завтра. Солнце засветит ярко, и работа будет спориться. А между тем время шагает своей поступью сегодня, — думал Дель Колле. — Завтрашний день еще не настал».

Дом Марденов старел, разваливался прямо на глазах, притом почти незаметно. А когда Дуранте обнаружил, что ветер снес кусок крыши, лесничие устроили совет.

— Пора перебираться в другое место, — говорил кто-то из них, — слишком далеко от порохового склада мы живем. Вдобавок тут, посреди леса, чересчур влажно. Все в доме отсырело, доски сгнили, нужно строить крепкий дом из свежих.

Эти толки были не по душе Дель Колле. Однако кухня вся почернела от дыма и копоти, и столько странных испарений пропитало стены.

«Вот незадача, — думал он. — Я живу тут двадцать с лишним лет. До сих пор помню день, когда я пришел сюда. Это было летом, шел дождь. Сказать, что вся моя жизнь протекла здесь, — все равно что ничего не сказать. Сейчас я по-прежнему тут, ружье висит на стене над кроватью, а меня совсем не тянет наживать богатство

и селиться среди людей в долине. Их жизнь — пустышка. Правда, когда-то давно бывало, что в этом доме я сходил с ума и мне невыносимо хотелось спуститься с гор. Находились и те, кто в самом деле сбегал отсюда. Но осенью, когда Эрмеда открывал сезон охоты, здесь было раздолье. Жили припеваючи: сытные, изобильные ужины, старик Да Рин наяривал на скрипке. Потом приходили зимы, их сменяло лето, а затем снова все заносило снегом, и вот я уже старик, и настало время перебираться под другой кров».

Он вспомнил еще кое-что.

Спустя несколько месяцев после смерти Даррио Дель Колле срочно вызвали в Сан-Никола. Он спустился в долину к вечеру; небо заволокли тучи. В кабинете инспектора, которому подчинялись все окрестные лесничие, сидела худая женщина с четками в руках, она плакала, а рядом был совсем поникший, крошечный мужчина. Родители Даррио. Они хотели любой ценой отнять у гор тело сына. Втолковывать им, что это задача невыполнимая, было бесполезно. Отец хотел собственными глазами увидеть тело Даррио и то место, где он погиб.

Мать осталась в Сан-Никола. А крошечный господин с Дель Колле отправились на рассвете